

Хлевов А. А., доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор РХГА.

О факторах, способствовавших крещению

Скандинавии и Руси в X-XI вв.

Геополитическая обстановка финала раннего средневековья (как бы масштабно ни звучало это определение, оно вполне применимо к реалиям того времени), без сомнения, располагала к своего рода глобализации социальных, экономических, культурных, религиозных и сугубо идеологических процессов в рамках Европы и прилегающих к ней акваторий и пространств. На практике это выражалось в постоянно интенсифицировавшихся контактах между Востоком и Западом, Севером и Югом, вовлекавшим в свой оборот весьма значительное количество населения. При этом принципиально важными остаются несколько обстоятельств, далеко не в равной степени попадающие в поле зрения исследователей и не всегда адекватно учитываемые при анализе этих – весьма драматических, заметим – событий. Попытаемся их классифицировать и дать общую оценку их роли.

1. Практическая синхрония процессов политогенеза в Восточной и Северной Европе очевидна. «Вторая волна» политогенеза, происходившая в славянских странах к северу от Дуная и в Скандинавии отличалась не только синхронностью, но и очень близким сходством деталей – дружинная культура, стяжание военными лидерами религиозных и идеологических функций, контроль над отправлением культа и его регулирование. Таким образом, налицо стадийное совпадение, единый «цивилизационный возраст» социумов этого макрорегиона. На это, в частности, указывал Г.С.Лебедев, определяя упомянутые общества термином «восточнороманские», и отчётливо противопоставляя их обществам Запада Европы.

2. В середине I тыс. н.э. Средиземное море стало весьма проблемной зоной с точки зрения транзитной торговли и мореплавания. С появлением здесь в середине VII в. арабов и овладением ими технологиями мореплавания ситуация ещё более усугубилась. Наиболее адекватным ответом оказалось резкое усиление торговой активности на североевропейских морских и восточноевропейских речных путях, в частности, возникновение «Малого круга» в Прибалтике, Восточного пути и Пути из варяг в греки. Первоначально основными бенефициариями этого процесса выступали как византийские и арабские купцы и политические лидеры, так и скандинавская и, в определённой степени, славянская племенная элита. С начала IX в. в процесс, судя по всему, активно интегрируется франкская империя, а затем её наследники – правители западных и восточных франков. Об этом, в частности, свидетельствуют последние изыскания С.А.Алексашина. Насколько можно судить, как византийцы, так и франки были весьма заинтересованы в распространении христианской веры по торговым путям и в торговых центрах, свидетельством чего выступают известные по источникам миссии западных проповедников в Южную Скандинавию, фризские кувшины с литургическим вином, поступавшие в Скандинавию и Северную Русь, а также несомненная активность

византийцев в сфере обращения в веру северных купцов и воинов, порой имевшая успех. При этом, как представляется, для IX в. эти попытки приносили весьма ограниченный результат и не приводили к созданию археологически и, тем более, письменно фиксируемых христианских общин за пределами торговых центров Северной и Восточной Европы. Да и в самих центрах такие общины, как правило, имели шанс на выживание лишь в условиях прямой и недвусмысленной поддержки симпатизировавших им (по тем или иным причинам) локальных лидеров, исчезая в случае смены власти и языческой реакции. Как показывает история миссий св. Ангария и летописные данные об Аскольде и Дире, процессы эти в само деле были близки на всём рассматриваемом пространстве.

3. Внутренняя потребность в принятии новой веры вплоть до X в. была, как представляется, достаточно низкой. Так, достаточно давно исследователями выявлен факт т.н. «языческой реакции», то есть усиления с началом походов викингов тенденций устойчивости языческой идеологии и культовых практик, в частности, архаизации погребального обряда в Скандинавии. Без сомнения, это следует рассматривать как подсознательное отторжение чуждой культуры и возрастание ценности собственной языческой идентичности в условиях столкновения весьма разных картин мира, мировоззрений и этических установок. Первые три поколения викингов (по хронологии Г.С.Лебедева), разумеется, рассматривали западных европейцев как владельцев того, что должно стать лёгкой добычей атакующих, и вряд ли всерьёз готовы были воспринимать их веру как нечто, имеющее ценность или, тем более, могущее быть заимствованным. Что касается племенной элиты, то её претензии на власть в этот период, безусловно, были связаны с апелляцией к связям с родом Инглингов (или Скьольдунгов, как вариант), в конечном итоге восходившим к древним обожествлённым правителям Старой Уппсалы, что вполне адекватно воспринималось аудиторией бондов. Правитель в обязательном порядке рассматривался и как религиозный лидер, а сами позиции традиционной религии в семейном быту были весьма устойчивы. Отдельные случаи нахождения у власти конунгов, исповедовавших христианство в IX – первой половине X вв. известны, однако это безусловное исключение из правил, воспринимавшееся современниками как досадный сбой в системе и не влекшее за собой реальных последствий. К тому же никому из этих правителей не могло прийти в голову вторгаться в традиционную религиозную ситуацию подвластного населения, учитывая вышеуказанные обстоятельства.

4. Скандинаво-германская традиционная мифологическая и религиозная система, как известно, несла в себе черты, как явно корреспондирующие с христианской системой ценностей, так и столь же явно противоречащие ей. Отдельным вопросом остаётся степень нашей информированности о ней, поскольку представления, о которых говорят письменные источники, несомненно, оформились ещё до начала походов викингов, а зафиксированы были преимущественно в XIII в., в обществе, несколько поколений исповедовавшем христианство. Поэтому, очевидно, споры о том, наличествуют ли христианские заимствования в том, что мы называем скандинавским язычеством, не прекратятся в обозримой перспективе. Вместе с тем, автор пребывает на позиции, признающей высокую степень аутентичности и чистоты традиции, донесённой до нас письменными источниками, тем более, что она нередко перекрёстно подтверждается данными археологии. Можно выделить три явных черты северного

язычества, однозначно предуготовлявших массовое сознание скандинавов к восприятию христианских идей.

А) Во-первых, это троичность образа главы пантеона. Она проявляется по-разному. Так, в Младшей Эдде говорится о трёх воплощениях Одина («Высокий», «Равновысокий» и «Третий»), а христианский миссионер присутствует в языческом храме, в центре которого установлены идолаы трёх богов (очевидно, Одина, Тора и Фрейра). Вне зависимости от того, являются ли данные триады общим с кельтами индоевропейским наследием или всё же следствием контактов с европейскими христианами, факт «предустановленного» знакомства с троичностью божественных ипостасей очевиден.

Б) Далее, во-вторых, скандинавская мифология была глубоко эсхатологична. Нет сомнения, что столь детальная проработка процесса «Гибели богов» не слишком характерна для известных нам языческих систем. Сама неизбежность финального катаклизма и его детализация, как представляется, облегчали среднему скандинаву восприятие христианской эсхатологии, предуготовляя её принятие.

В) Наконец, в-третьих, германское язычество (возможно, не сразу, но достаточно давно) выработало чёткую установку на дифференцированность посмертного воздаяния. Безусловно, мотивация при этом различалась весьма кардинально: то, за что скандинав имел шанс попасть в лучший, по его представлениям, мир, почти ни в чём не совпадало с тем, что спасало от вечной гибели христианина. Однако крайне примечательна намеченная, хотя и пунктирно, идея греха как такового. Во всяком случае, отдельные категории грешников и в той, и в другой системах хоть в какой-то степени пересекались между собой.

Г) Более частными моментами являлось насторожённое отношение северного язычества к магии и колдовству, отдельные элементы этического кодекса и т.п. элементы идейного наследия Севера.

5. Вместе с тем, стоит отметить и то, что в целом дух и идеология германско-скандинавского язычества находились в явном противоречии с христианскими ценностями по ряду существенных пунктов. В лице скандинавов эпохи викингов мы имеем дело с обществом, зашедшим максимально далеко по пути сохранения и поддержания в актуальном состоянии этической парадигмы родового общества, базирующейся на принципах кровной мести, равного воздаяния, рациональной агрессивности, строгого отнесения к статусно равным лишь членов собственного родового коллектива, поддержании своего положения в социуме посредством грабительских походов и т.д. Большинство этих норм входило в явный или даже непримиримый конфликт с христианской этикой. Именно это обстоятельство обусловило весьма ожесточённое сопротивление, оказанное христианству со стороны значительных масс населения Северной Европы в конце X – первой половине XI вв., а также те сложные и компромиссные порой формы адаптации нового учения на северной почве. Классическим примером могут служить действия клирика Тангбранда, описанные в «Саге о крещении Исландии», наглядно демонстрирующие, как вынуждены были приспособляться к местным условиям и, главное, к местным нравам первые проповедники. Впрочем, гибридизация идеологий и конкретные формы двоеверия в рассматриваемом регионе однозначно выходят за рамки предлагаемого доклада.

6. В силу крайней ограниченности круга источников как по ранней истории восточных славян, так и по содержанию и особенностям восточнославянского язычества, реконструкция аналогичных процессов во всей их полноте для Древней Руси, к сожалению, представляет собой не реализуемую до конца задачу. В силу этого стоит воздержаться от прямых экстраполяций событийных и концептуальных конструкций на отечественный исторический опыт. Как представляется, фоновая обстановка и внешние факторы, сопровождавшие процесс христианизации, были здесь вполне идентичны. Внутреннее же содержание язычества заметно отличалось. Так, в частности, нет серьёзных оснований обнаруживать в славянском язычестве ту подчёркнутую и системообразующую дружинную составляющую, которая в Скандинавии находила идейное выражение в весьма специфическом и узкораспространённом культе Одина. Прямых аналогий ему в восточнославянском язычестве не обнаруживается, в силу чего, без сомнения, достаточно редуцированными были и экстатические проявления военно-дружинной этики, актуальна была несколько иная модель социальных связей, кровной мести, внутри- и межродовых контактов и т.п. Абсолютизировать эти различия нельзя, как нельзя и прямо переносить скандинавскую модель на славянское общество. В целом можно сделать гипотетическое умозаключение о том, что адопция христианства в восточнославянской среде проходила более мягко, а формы симбиоза двух идеологий были на первых порах более органичными. Однако это предположение остаётся предположением при существующем на сегодняшний момент состоянии исторических и археологических источников.